

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Варварин остров вывернулся из-за поворота внезапно: Андрей ждал, когда же он покажется, но все-таки оказался не готов к встрече.

Дорога змеей извивалась вдоль Быстрой, но самой реки видно не было: лес надежно скрывал ее, прятал за своей спиной. Ветер еще не успел сорвать с деревьев все листья подчистую: сопротивляясь неизбежному, они продолжали красными и желтыми флажками пестреть на ветках.

С другой стороны дороги тоже высилась лесная чаща — густая, плотная. Машина пожирала рас-трескавшийся асфальт километр за километром, и, если бы не это покрытие, совершенно точно сделанное когда-то руками людей, легко можно было поверить, что в этих местах не ступала нога человека. Глядя на убегающие назад деревья и кусты, Андрей тоскливо думал, каково это будет —

АЛЬБИНА НУРИ

застрять в такой глуши, провести тут осень и зиму, словно медведь в берлоге.

Мелькнула мысль развернуться и поехать обратно в город, но в этот миг стоявшие плотными шеренгами деревья расступились, открывая взору путника речную гладь и Варварин остров. Тучи разошлись, точно кто-то наверху раздвинул занавески, и бледное осеннее солнце высунулось в образовавшуюся прореху.

Солнечные лучи рассыпались по округе, заставили заискриться серую, студеную на вид воду, ласково погладили облезлые бока стоявших возле берега лодочных сараев, пробежались тонкими пальцами по земле, траве, деревьям, и на душе у Андрея стало немного светлее.

Быстрая в этом месте широка, словно море; остров лежит на речной поверхности большим блином. Если смотреть сверху, увидишь, что Варварин остров почти идеально круглой формы, лишь с северной стороны будто какое-то речное чудище откусило от «блина» изрядный кусок.

Крохотный городишко, который тоже назывался Варварин остров, притулился с западной стороны, бóльшая же часть острова, насколько знал Андрей, была безлюдной, заросшей лесами, изъеденной оврагами.

Интересно, кто она была, эта Варвара, в честь которой назвали остров и городок? Что она тако-

Варварин остров

го сделала; почему имя ее увековечено, попало на географические карты, а судьба осталась неизвестной? Была эта судьба счастливой или же бедная Варвара, которую предал возлюбленный, бросилась в воду и утопилась в этих местах?

Открывшаяся Андрею картина казалась мирной, по-своему уютной, а жизнь, которая текла на острове, была, наверное, неспешной, безыскусной и понятной.

«Пожалуй, — подумалось Давыдову, — задуманное вправду может осуществиться. А что глушь, так это ничего». Андрей ведь и сам хотел оказаться вдали от блеска и суеты предательски-изменчивого города, от людей, так легко отвернувшихся от него, от всего несбывшегося, неудавшегося, постыдного, что давило на сердце, норовило утянуть вниз, сбить с ног, не дать подняться.

«Посмотрим еще, как оно будет», — оптимистично подумал Давыдов, ведя машину к узкому перешейку, по которому можно попасть на остров.

Невысокую дамбу начали строить во время недолгого расцвета Варваринского острова, да так и не достроили. Все быстро пришло в упадок, сейчас дамба была наполовину разрушена, осталась от нее, как говорили местные, «насыпушка». В сухое время года еще ничего, на машине проехать можно, когда же вода в реке поднималась (например,

АЛЬБИНА НУРИ

в период весеннего половодья или во время сильных дождей), дорога к Варваринскому острову скрывалась под водой, а сам он оказывался отрезанным от большой земли.

Андрей опасался забуксовать посреди «насыпушки»: машина была загружена под завязку. То, что в багажник автомобиля поместилась вся его жизнь, было одновременно и хорошо, и плохо.

Хорошо, потому что нечего привязываться сверх меры к материальным ценностям. Плохо — ничего он за тридцать восемь лет, получается, толком и не нажил. Правда, имелись еще книги, которые сюда не влезли и поэтому временно хранились в городской квартире, откуда Давыдов собирался их при первой возможности забрать.

Берег был каменистым, у кромки воды выстроились нестройным рядом лодочные причалы, покачивались на волнах лодки — моторные и деревянные, весельные.

Возле «насыпушки» была еще одна машина, которую Андрей сразу не заметил. Серебристая «Лада» пыталась развернуться на узком пятачке перед выездом на шоссе, за рулем сидел пожилой мужчина с обвисшими седыми усами. Неподалеку стояла в окружении сумок и чемоданов молодая женщина с девочкой лет пяти. На обеих были куртки и джинсы, заправленные в сапоги.

Барварин остров

Андрей сдал назад, пропуская автомобиль, тот, покорячившись и выпустив облако сизого дыма, покатил прочь. Женщина пристроила на плечо одну сумку, взяла вторую, одновременно вцепившись в ручку чемодана на колесиках. Ребенок терпеливо топтался возле матери.

Помощь прекрасным дамам не входила в его сегодняшние планы, но тут уж без вариантов. Разве можно их здесь бросить?

Андрей вышел из машины. Налетел порыв ветра. Ощущение было такое, словно его хлестнули по лицу мокрой тряпкой: воздух пропитан влагой, хотя дождь кончился. Под ногами хлюпала жидкая грязь.

— День добрый. Подвезти вас? — предложил Давыдов.

— Ой, вы правда поможете? Спасибо! — сразу же отозвалась женщина и быстро добавила: — Я вам заплачу.

На вид ей было лет тридцать. Светлые волосы собраны в строгий пучок на затылке, на лице — ни грамма косметики. Миловидная, даже хорошенькая, женщина выглядела уставшей и немного растерянной, а в карих глазах застыло ожидание: не то она постоянно ждала от жизни подножки, не то надеялась, что уж на этот-то раз такого не случится.

АЛЬБИНА НУРИ

— Мне по пути, — улыбнулся Андрей, — не нужно ничего платить. Давайте помогу положить вещи в багажник.

Сказал — и вспомнил, что багажник полон.

— Что не поместится, в салон придется засунуть. Тесновато будет, но ничего, тут ведь недалеко.

Женщина поспешно закивала, рассыпавшись в благодарностях. Вдвоем они затолкали большой чемодан в багажник, остальные вещи кое-как разместили на заднем сиденье, рядом усадили девочку.

— Мы с таксистом договорились, что он нас до дома довезет. Но он как увидел, что дамба незаасфальтированная, а дорога вся разбитая, говорит, вылезайте, дальше не поеду. И высадил, — негромко проговорила женщина, пристегивая ремень безопасности. — Вы нас так выручили! Если бы мы вас не встретили, не знаю, как дотащились бы.

Действительно, поблизости не наблюдалось ни людей, ни машин; стоявшие у воды строения выглядели пустыми. Жилых домов среди них не было, только лодочные сараи да какие-то хозяйственные постройки.

— Мне несложно, рад, что смог быть полезен. — Андрей поглядел в зеркало на девочку и улыбнулся ей. Та испуганно отвела взгляд. — Вы живете на острове?

Варварин остров

Женщина заколебалась, точно сама не знала, так ли это, и он, чтобы дать ей собраться с мыслями, проговорил:

— Я вот, похоже, поживу какое-то время.

— У меня тут бабушка, мы с Малинкой к ней едем, — наконец ответила женщина и спохватилась: — Меня Кларой зовут, а дочку — Мариной, но как-то пошло с первых дней — Малинка да Малинка, вот и привязалось.

Андрей назвал свое имя и уверил Клару, что рад знакомству.

— Выходит, соседями будем, — сказал он. — Вы знаете, куда ехать? На какой улице живет ваша бабушка? Я последний раз был здесь лет тридцать назад, мало что помню.

— А я Варварин остров хорошо знаю, школьницей каждое лето у бабушки гостила. И потом тоже бывала. Я вам покажу.

Машина тем временем уже оставила позади дамбу, выбравшись на дорогу, ведущую к городку. Вскоре показался и он сам. В основном Варварин остров был застроен частными домами, среди которых затесалось несколько двухэтажных. Асфальта не было, интересно, он хоть где-то в этом городишке есть? Словно подслушав его мысли, Клара виновато (точно несла за это ответственность) сказала:

АЛЬБИНА НУРИ

— В центре, где школа, магазины разные, дорога хорошая, не как тут.

Андрей кивнул и снова глянул на девочку.

— Что-то Малинка со мной не хочет разговаривать. Тебе сколько лет, Малинка? В школу, наверное, на будущий год собираешься?

У Давыдова не было детей, общаться с ними он не умел, но почему-то ему захотелось растормошить эту девочку, развеселить. Слишком уж потерянной, зажатой она выглядела, и Андрей чувствовал себя так, будто чем-то обидел Малинку, напугал. Пусть бы улыбнулась, перестала чураться его, не съест же он ее, в самом деле!

Однако вышло только хуже. Клара задержалась, занервничала, а потом тихо сказала:

— Малинка вам ответить не может. Она глухонемая от рождения. По губам читает, если медленно говорить. А ваших губ она не видит.

Андрей обругал себя за бестактность.

— Простите, я не... Словом, простите.

— Да что вы, все в порядке, — грустно ответила Клара. — Вы же не знали.

Повисла пауза, а потом она, чтобы сгладить неловкость, поспешно заговорила:

— Видите, улица до конца городка идет? Она называется Центральной. А ее пересекают еще две — Речная и Мирная. Есть еще переулочки, но их названий не помню. На пересечении улиц —

Варварин остров

площадь, она без названия. Площадь и площадь. Вон школа, детский сад (сейчас он не работает, там ремонт), поликлиника, вернее сказать, фельдшерский пункт, еще разные магазины и торговый центр. На окраине Мирной многоэтажки хотели строить, только бросили, поэтому там сейчас пустырь, котлован. Вот и весь Варварин остров. То есть городок. Сам-то остров большой.

Дорога, как и обещала Клара, стала лучше: проселок кончился, начался асфальт.

— Много тут сейчас народу осталось?

Она задумалась.

— Человек четыреста, может, постоянно живет. Или побольше. А еще на время приезжают многие, когда дорога есть.

— Приезжают? Вы имеете в виду — туристы?

— Ну как туристы, — по-старушечьи пожевала губами Клара. — Страждущие, скорее. Кому исцелиться надо.

Фраза прозвучала странно, и Андрей хотел спросить, от чего именно и кто тут исцеляет, но Клара попросила:

— Здесь поверните на Мирную, пожалуйста. Бабушкин дом вон тот, синий, видите?

Андрей увидел. Приземистый, деревянный, выглядывающий из-за довольно высокого забора, он был похож на все прочие дома Варваринского острова. Печать запустения лежала на этом месте и была

АЛЬБИНА НУРИ

столь же отчетлива, как запах реки и сырость, разлитая в воздухе.

«Что я тут делаю? — спросил себя Андрей и ответил: — Пытаюсь начать новую жизнь».

Он отогнал невеселые мысли и притормозил возле дома Клариной бабушки. Снова последовала процедура с багажом, только на сей раз — в обратной последовательности. Сумки ставили на покосившуюся скамейку у ворот, из-за которых так никто и не вышел встречать гостей.

Прощаясь, Клара попыталась всучить Андрею купюру, но он решительно убрал ее руку:

— Перестаньте, я же сказал, что ничего не нужно.

— А где ваш дом? — спросила Клара. — Знаете, как добраться? Может, вас проводить?

— Ничего, сориентируюсь, — улыбнулся Давыдов. — Думаю, еще увидимся, соседка.

Клара посмотрела на него и серьезно кивнула, не вернув улыбки.

— Еще раз спасибо вам.

Когда Андрей разворачивался и уезжал, Клара стояла спиной к нему и силилась открыть калитку, просунув руку сверху и нащупывая щеколду.

Малинка, наоборот, смотрела на дорогу, провожая Андрея немигающим взглядом. Он поднял руку и помахал девочке, но та проигнорировала этот жест и лишь опустила голову.

Барварин остров

Андрей почувствовал себя неловко, отвернулся и стал смотреть на дорогу. Хватит думать о случайных знакомых, пора взглянуть на дом, в котором ему теперь предстоит жить.

Завибрировал сотовый. Андрей бросил взгляд на экран.

Шура. Конечно, кто же еще. Единственный человек на всем белом свете, которому небезразлично, как у него дела, жив ли он и собирается ли жить дальше.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Она смотрела в окно, выходящее на тихую улочку, и старалась успокоиться, уговорить себя, что все хорошо, жизнь продолжается и вообще — так будет лучше.

Угрюмое, плотно затянутое тучами небо навалилось на город, и люди, кажется, физически ощущали эту ватную тяжесть: реже улыбались, тише говорили, медленнее двигались. С самого утра зарядил дождь — именно такой, какому и положено идти осенью: унылый, нудный, нескончаемый. Прохожие, отгораживаясь от непогоды разноцветными зонтиками, проявляли чудеса акробатики, обходя и перепрыгивая лужи.

Напротив длинного двухэтажного здания издательства, в котором трудилась Александра, находилось кафе «Пиноккио». Хотя на часах не было еще

Барварин остров

и трех дня, хозяева включили вывеску — на улице уже стало темнеть.

Отвернувшись от окна, Александра решительно подошла к шкафу и сняла с вешалки куртку.

— Ты куда это? — подняла голову Лиза. — Мы ведь ходили на обед.

Они работали в одном кабинете уже несколько лет, хорошо общались, но подругами так и не стали — скорее всего, из-за Лизиного неприкрытого любопытства и жадного интереса к чужой жизни, из-за ее неумения промолчать и понять, когда лучше не приставать к человеку, не соваться с вопросами. Впрочем, Лиза заблуждалась на этот счет, думая, что они дружат.

— Пройдусь. Голова побаливает. Я скоро, — отрапортовала Александра и прикрыла за собой дверь.

Вскоре она перешла дорогу и очутилась в «Пинноккио». Заказала кофе, чтобы не сидеть перед пустым столом, устроилась на своем любимом месте — в углу, возле окошка. Тут ей всегда хорошо думалось; если бы можно было перетащить в кафе компьютер, Александра с удовольствием работала бы здесь.

Некоторое время она боролась с собой, но потом решила: какого черта?! Неужто она не имеет права узнать, как он? Поинтересоваться по-дружески?

АЛЬБИНА НУРИ

«Ага, Лиза вечно именно так и лезет, куда не просят!» — подумала Александра, но отбросила сомнения. Все же они с Давыдовым — это другой уровень, не то же самое, что сидение за соседними столами и совместные хождения на обед. Они дружат сто лет, точнее, тридцать один год, а это что-нибудь да значит!

— Привет, Шурик! — Голос напряженный, но Андрей прикидывается оживленным. — Как там город без меня? Стоит?

Шурик. Шура. Шуруп еще иногда. Лучшая подруга или даже друг. Можно сказать, братан.

«Выход из френд-зоны — дело очень сложное, порой практически невозможное. Андрей воспринимает вас исключительно как человека, а не потенциального полового партнера, не видит в вас будущую спутницу жизни, понимаете?» — сказала Александре психолог в тот единственный раз, когда она решилась обсудить свою проблему со специалистом.

— То есть для него это примерно... как отношения с родственницей? Он думает, что это кощунство? — спросила Александра.

Психолог поглядела на нее с жалостью.

— Хуже. Если я правильно понимаю, он вообще об этом не думает. Ему это попросту не приходит в голову.

К психологу Александра больше не ходила: не видела смысла. Да и тетка оказалась противная,

Барварин остров

такой сложно доверить копание в своей душе. И ее советам следовать вряд ли получилось бы.

— Все по-прежнему, — ответила Александра. — Ты-то как?

— Я еще не видел свой новый старый дом. Но уже прибыл на остров и даже сделал доброе дело: подвез женщину с девочкой. — Андрей усмехнулся. — А вообще, тут... — Он замаялся. — Тихо. Думаю, это то, что мне было нужно. Спасибо за совет, Шурик. Ты спасла меня в очередной раз.

«Я совсем не то хотела сказать! Ты понял неправильно, тупица!» — хотелось выкрикнуть ей, но вместо этого она произнесла:

— Ты уж не подведи меня. Покажи, на что способен.

Они помолчали. Обычно это давалось им легко, ведь только малознакомым людям требуется срочно заполнить паузу, чтобы не ощутить неловкости. Но сейчас словно что-то разделяло их. Может, ее горечь, а может, его волнение, необходимость понять, сумеет ли он справиться с новыми реалиями.

— Не буду отвлекать, — проговорила Александра. — Я и сама на минутку выскочила позвонить, работы полно. Хотела узнать, как ты добрался. Если что, ты знаешь...

— Я на расстоянии телефонного звонка, — закончил он. Фраза была заезженная, но ей нравилась. — Знаю. Пока, Шурик.

АЛЬБИНА НУРИ

Его голос погас, растаял где-то вдали, на далеком острове посреди реки Быстрой. Александра сделала глоток. Кофе остыл, но все равно вкусный. Пора возвращаться. Не потому, что много работы, она соврала. Но ведь Лиза начнет названивать, спрашивать, придется что-то отвечать...

Александра почувствовала, что устала, сама не понимая, от чего именно. От жизни, наверное. От необходимости притворяться, делать то, к чему не лежит душа, и запрещать себе то, чего хочется больше всего на свете.

Сейчас ей хотелось написать заявление на увольнение, собрать вещи и рвануть на Варварин остров, чтобы сказать Андрею: «Когда я говорила, что тебе нужно начать с нуля, вернуться к себе настоящему, перестать жить в соответствии с чужими ожиданиями, я имела в виду: стоило бы пересмотреть наши отношения, нам можно попробовать сделать что-то вместе. Я вовсе не желала, чтобы ты сбежал от меня бог знает в какую глушь!»

Но при мысли о том, как вытянется его лицо, когда он ее увидит и услышит эти слова, сделалось так тошно, что Александра задавила мимолетное стремление, запила его холодным кофе и встала из-за столика.

Остаток дня прокатился, как шар по узкому желобу: направление задано, сила тяжести тащит

Варварин остров

вниз, никуда не вырвешься. Без четверти шесть они с Лизой встали, выключили компьютеры, оделись, заперли дверь, на которой висела табличка «Дизайн и верстка», сдали ключи на вахту и пошли в разные стороны. Лизу, как обычно, забирал муж, а Александра направилась на стоянку, где парковала машину. Ехать минут двадцать, пробок в ее сторону обычно не бывает.

Жила Шура в четырехэтажном доме, построенном в начале десятых годов нового века. Он считался «элитным», и это выражалось в расположении дома близ набережной, довольно больших по площади квартирах, охраняемой придомовой территории и бабушке-консьержке.

Дома Александра немного нарушила заведенный распорядок, добавив к ужину белого вина. Пить, когда у нее плохое настроение, она себе обычно не позволяла: есть шанс расклеиться пуще прежнего.

Но сегодня ей нужно было хоть немного расслабиться, снять напряжение. Да что там: заставить себя переползти через этот вечер! Потом, возможно, станет полегче. Во всяком случае, привычнее.

Сделав первый глоток, Александра села в кресло и прикрыла глаза. Сейчас бы поплакаться кому-нибудь в жилетку — матери, сестре, подруге. Но вот беда: мать давно умерла (а когда была жива, не выносила, как она выражалась,

АЛЬБИНА НУРИ

«нытья»), сестры у Александры не имелось, а лучшим другом был человек, на которого и хотелось пожаловаться.

Познакомились они в школе: учительница посадила Шуру и Андрюшу за одну парту. Первую. Они были самыми маленькими в классе (правда, в итоге Андрей вырос до ста восьмидесяти пяти, а Шура так и осталась миниатюрной, еле дотянув до ста шестидесяти).

Скоро выяснилось, что их роднил не только невысокий рост, но и много чего: интересы, взгляды, увлечения. Им было легко и весело вместе, одноклассники давным-давно привыкли видеть их вдвоем, так что никто не дразнил женихом и невестой.

Они дружили все десять школьных лет, вместе учились в художественной школе, потому что оба любили рисовать; потом дружно поступили в художественное училище.

Потихоньку их пути стали расходиться. Нет, дружба не прервалась, они выросли друг в друга так, что это стало невозможно. Но Александра была готова работать оформителем, делать рекламные плакаты или (как сейчас) обложки книг и журналов. Она была отличным профессионалом с хорошим вкусом, заказчики обожали работать с ней; помимо основной работы всегда находилась подработка, и это приносило неплохие деньги.

Барварин остров

Давыдов был другим. Ему хотелось вдохновенного полета, признания, даже славы. Художником с мировым именем он себя не видел, о выставках не грезил, стремился к другому. Его влекла анимация, Андрей мечтал создать мультсериал.

У него было множество идей, о некоторых он рассказывал «Шурику», о других — нет. Особенно страстно мечтал Андрей о сериале про девочку по имени Элли, которая умеет путешествовать между мирами, понимает язык животных и растений и владеет магией.

Лет семь Давыдов носился со своими задумками, ездил в Москву, встречался с кем-то, что-то предпринимал. А потом познакомился с Жанной, влюбился без памяти и выяснил, что нищий художник ей не нужен. Пришлось убрать куда подальше свое, как говорила Жанна, «ребячество» и заняться, опять же по ее словам, «чем-то стоящим». Андрей был талантлив и трудолюбив, у него получилось — и получалось до недавнего времени...

В какой момент Александра поняла, что любит Давыдова не только как друга? Она и сама не знала. Это вызревало в ней, вот и вызрело. Она даже испугаться не успела, какие-то меры принять, чтобы себя защитить. Так и смирилась. Даже замуж вышла через год после свадьбы Андрея и Жанны.

Когда выяснилось, что позвать в свидетели ей некого, кроме Давыдова, жених (кстати, дирек-

АЛЬБИНА НУРИ

тор одной из компаний, заказавших Александре рекламные материалы) рассмеялся и сказал, что с женой ему явно повезло: никакого трепа с подружками не предвидится. Это еще не говоря о том, что нет и тещи с тестем.

Александра допила один бокал, подумала пару секунд и налила второй.

Жизнь потекла дальше, казалась спокойной и размеренной следующие лет пять. Они с мужем продали доставшуюся ей от матери квартиру и его «двушку», купили вот эту, «элитную», где собирались жить долго и счастливо.

Александра сумела убедить себя, что любовь к Давыдову — это такая же неизбежность, как восход или закат; надо принять ее без возражений, как цвет глаз или группу крови, и жить дальше, ведь даже если ты очень захочешь, кровь твоя не поменяет группу, а глаза — цвет. Следовательно, глупо позволять этим фактам влиять на твою жизнь.

А потом все стало рушиться со стремительной неумолимостью камнепада.

Раз — беременность, выкидыш, известие о том, что детей больше быть не может.

Два — муж на нервной почве спутался с секретаршей.

Три — напился, сел за руль, разбился вместе с любовницей.

Варварин остров

Была Александра обманутая жена — стала вдова.

Вскоре проблемы начались у Андрея, такая вот синхронность. В итоге это привело Давыдова на Варварин остров, а вот куда ее, Александру, она пока не понимала.

Выпив всю бутылку и почти не притронувшись к ужину, Александра отправилась спать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отцовский дом стоял на отшибе, он был последним на Речной улице. Если точнее, застроенная домами часть Речной заканчивалась метров за пятьсот до участка, который принадлежал Давыдовым, а дальше обрыв.

Вид со второго этажа дома был роскошным: величавая река, лес на противоположном берегу, много воздуха, вольный простор. Но этим вся роскошь и исчерпывалась, потому что остальное находилось в полном упадке.

Здесь все было «недо-». Каменный высокий забор опоясывал примерно половину участка; первый этаж жилой, на втором — только черновая отделка, хорошо хоть крыша имеется и окна застеклены. Большая часть участка — унылый пустырь, сад за домом зарос сорной травой, от некогда пышных клумб даже воспоминаний не осталось, подъездная

Барварин остров

дорожка потрескалась, кустарники превратились в непроходимые заросли.

Еще в активе имелось большое подсобное помещение, разделенное стеной на две части: в одной — гараж и мастерская, во второй стоял котел и хранились дрова.

«Да, состояние неидеальное, зато есть над чем работать! Нужно приложить руки, и это будет райский уголок», — оптимистично думал Андрей, но это были словно не его мысли. Умельцем, у которого все горит в руках, он никогда не был.

Впрочем, прибраться на участке Андрей вполне способен, а чтобы дом достроить, можно рабочих нанять. К счастью, он оказался в хорошем состоянии, отец возводил на совесть.

Входная дверь была заперта на два замка, оба легко открылись. Ключи повернулись в замочных скважинах с тихими щелчками, и Давыдов оказался в просторной прихожей. Электричество имелось: после смерти матери Андрей продолжал платить по счетам, как это делала она. И точно так же, как мама, понятия не имел, зачем это нужно, если можно все отключить.

То, что смысл был, ясно стало только теперь.

Слева висело пыльное зеркало, из которого на Андрея глянул высокий темноволосый мужчина с напряженным лицом, справа — шкафчик для обуви. Коридор упирался в гостиную, соединен-

АЛЬБИНА НУРИ

ную с кухней, справа и слева шли двери в комнаты: в правой Андрей решил устроить себе спальню, в левой — кабинет. Вели из коридора и еще две двери: одна в ванную комнату, вторая — на лестницу. Санузел нормальный, а лестницу, как и многое другое, следовало доделать, пока же это были просто бетонные ступени без перил, уводящие на второй этаж и далее — на чердак.

Туда Андрей не полез: не был уверен, что не провалится пол, сделанный «на живую нитку». А по второму этажу побродил, думая, что хорошо бы тут устроить и кабинет, и спальню с видом на реку...

Но это, конечно, в будущем. Сейчас такое обустройство — слишком дорогое удовольствие.

Мебель в доме была, и даже неплохая, во всяком случае, на первое время сойдет. Кухонный гарнитур, большой стол, два дивана, журнальный столик и кресла в кухне и гостиной выглядели стильно, не казались старомодными. Андрей подошел к большому окну, раздвинул тяжелые шторы, за которыми висели тюлевые занавески, поглядел на унылый запущенный сад и подумал, что надо срочно навести там порядок, иначе недолго в депрессию впасть, если ежедневно любоваться этой картиной.

Полы в доме паркетные, на стенах — обои, которые местами отслоились, обнажив штукатурку.

Барварин остров

Убрать бы их, а стены выкрасить. Тоже потом, все потом.

В спальне стояла огромная кровать, на которой прежде спали родители, а потом — отец, проживший в доме до самой смерти. Еще здесь находились платяной шкаф, комод и две прикроватные тумбочки — мамину отец так и не убрал. Андрей помнил, что комод ценный, старинный, достался отцу от его бабушки. Тяжелое дерево красноватого оттенка, тусклые металлические ручки, широкие ящики снизу и шесть небольших — сверху...

Когда-то Андрею казалось, что комод набит настоящими сокровищами, и сейчас он, повинуясь порыву, подошел и выдвинул ящики. Там в самом деле было полно всего, только вряд ли имелось что-то ценное, лишь обычный хлам, который складывал сюда пожилой, одинокий, потерявший вкус к жизни человек.

Комната, которую Андрей решил сделать своим кабинетом, оказалась пуста. Ничего в ней не было — ни мебели, ни ковров, ни занавесок, только светильник под потолком. Окно, как и в гостиной, выходило в сад.

Давным-давно, в другой жизни, которую Андрей почти забыл, это была детская, принадлежавшая мальчику и девочке: Андрею и его старшей сестре Нане. На самом деле ее звали Анной, а прозвищем, которое в итоге заменило имя, она

АЛЬБИНА НУРИ

была обязана братишке: он не мог выговорить «Анна» (называть себя Аней или Анютой девочка запрещала, допускалась только Анна, в итоге превратившаяся в Нану).

Родители собирались в будущем, подняв второй этаж, обустроить там комнаты для детей, каждому своя, отдельная, однако это желание так и осталось нереализованным. Как и многие другие, обманутые Варвариным островом.

Это место похоронило брак родителей и мечты отца, так стоило ли приезжать сюда зализывать раны и искать новые смыслы? С другой стороны, разве место виновато в людских ошибках и прочетах?

Андрей тихонько прикрыл дверь в бывшую детскую. Он годами не вспоминал о Варварином острове, об этом доме, о Нане. Два или три года, проведенные здесь, были словно вычищены из его памяти, и Андрей считал, что забыл о них, но внезапно понял — это не так.

Воспоминания завозились где-то в дальнем углу сознания, разминаясь, готовясь выбраться наружу, и Давыдов не мог сообразить, хорошо это или плохо (почему-то склоняясь к мысли, что все-таки плохо).

...Нана в синем платье с красными полосками качается на качелях, хохочет и просит маму раскачивать ее сильнее.

Варварин остров

А вот они вдвоем сидят за столом и завтракают; Нана терпеть не может омлет, ковыряется в тарелке с недовольным видом.

Мама с папой разговаривают в гостиной, стараясь делать это тише, чтобы не разбудить детей, но они с Наной не спят и слышат: голоса у родителей встревоженные, а мама, кажется, готова заплакать...

Андрей потер пальцами виски, поежился. В комнатах было холодно. Надо бы проверить, что там с отоплением. Он вышел из дома, мельком подумав, что это похоже на бегство от прошлого.

Стоявший в подсобке котел работал. Андрею без труда удалось разобраться, как он функционирует, и к вечеру в доме стало тепло, а в кране появилась горячая вода. Газ на Варварин остров не провели (хотя собирались), поэтому топить следовало дровами или брикетами, которых почти не осталось, а те, что были, практически полностью отсырели. Андрей кое-как набрал на растопку, но этого хватит на день, не более. Придется купить.

Этим он займется завтра, а пока надо вытащить из машины и распаковать вещи, немного прибраться, разложить все, затем приготовить себе что-то на ужин и лечь спать.

Простые планы, нехитрые устремления. То, что надо.

АЛЬБИНА НУРИ

В отличие от большинства мужчин уборки Андрей не боялся. Возможно, потому, что хаос и грязь пугали его куда больше. Он их терпеть не мог, сердился на Жанну, которая могла спокойно существовать среди разбросанной всюду одежды, не утруждала себя тем, чтобы заправить поутру кровать или протереть пыль, преспокойно вытаскивала из горы невымытой посуды чашку, чтобы ополоснуть ее и налить себе чаю.

Когда Андрей привел комнаты в приличный вид, на часах было уже почти одиннадцать. Он соорудил себе пару бутербродов и сварил кофе. Бессонницы не боялся: слишком устал.

Придется купить письменный стол и шкаф или этажерку для книг. Интересно, продается это на острове? Пока папки с бумагами и ноутбук стояли прямо на полу в бывшей детской.

Застилая постель, Андрей подумал: чем, интересно, занята сейчас Шура? Шабашит, наверное. Она всегда тащила работу домой, стараясь отвлечься от всего, что на нее свалилось: неудачная беременность, потеря ребенка, измена и смерть мужа.

Плохо такое говорить (и даже думать, наверное) про умершего человека, но покойный Шурин муж Станислав был придурком.

«Или, может, я к нему предвзято отношусь?»

«Может быть», — согласился сам с собой Андрей.

Барварин остров

Мысль о том, что ему неприятно видеть этого человека рядом с Шурой, впервые пришла ему в голову на их свадьбе, да так и застряла в сознании. Андрей смотрел, как Стас по-хозяйски прижимает Шуру к себе, впивается в нее, будто оголодавший вампир, минуту назад восставший из гроба, хохочет над собственными несмешными шутками, и бесился.

Потом кто-то произнес тост о том, что в семейном союзе главное — понимание и доверие, и ему неожиданно подумалось: пожалуй, тогда они с Шурой были бы отличной парой. Он виновато покосился на Жанну. Их браку только-только исполнился год, в ту пору Андрей был еще далек от осознания, что ошибся в выборе. Или уже начал догадываться, но запрещал себе размышлять на эту тему.

Электронные часы (старомодные, но работающие) показали 23:23. Можно загадывать желание. Андрею много чего не помешало бы, начиная от взлета провалившейся карьеры, заканчивая обретением хотя бы подобия личного счастья. Но надо думать о чем-то конкретном, формулировать четко, чтобы Вселенная поняла, чего ты от нее хочешь.

Пока думал, четверка вытеснила тройку, момент был упущен.

Не слишком ли много в его жизни подобных моментов?..

АЛЬБИНА НУРИ

Захотелось покурить перед сном, но Давыдов подавил это желание.

Он бросил курить около месяца назад, пить тоже. К выпивке не тянуло, а никотиновая зависимость оказалась сильнее. Вроде бы курил немного, пачки дня на три хватало, но стоило дать зарок бросить, как необходимость затянуться усиливалась.

Чтобы перестать думать о сигаретах, Андрей выпил таблетку (купил как-то в аптеке, повинувшись порыву, растительный успокоительный препарат, и то ли выбор оказался удачным, то ли сработал эффект плацебо, но спать он стал лучше, да и беспричинная тревога больше не мучила), улегся в кровать и выключил свет. Приготовился возиться, пытаясь устроиться на новом месте, но заснул быстро.

Среди ночи проснулся (редко удавалось этого избежать, так что сон обычно дробился на несколько кусков), прислушался к себе. В туалет не хотелось, жажда не мучила. Андрей повернулся на другой бок, но тут услышал звук.

Глупость какая — даже самому себе говорить, что слышишь некий звук. Или как в книгах и фильмах герои сообщают друг другу: «Я что-то слышал!» Всегда точно знаешь, что слышишь, на что похож тот или иной звук. Просто порой бывает страшно себе в этом признаться, ведь ты слышишь то, чего быть не может.

Барварин остров

Как сейчас.

Андрей скорчился под теплым одеялом, которое вдруг стало казаться чересчур тяжелым, чувствуя, как холодеют руки, а в желудке ворочается ледяной ком. За дверью кто-то был.

Минуту назад этот «кто-то» тихо пробежал по коридору — россыпь невесомых, осторожных шагов. А потом скрипнула, открывшись и снова закрывшись, дверь бывшей детской.

Ночной гость вошел в комнату и сейчас находится там.

«В дом забрались! Может, воры! Какого хрена ты лежишь?» — ворвался в голову голос Жанны. Если бы она была тут, именно так и сказала бы.

Андрей и сам не мог понять, почему бездействует. Входную дверь он запер, окна тоже закрыты. Но через второй недостроенный этаж при желании можно попасть внутрь: Давыдов не приглядывался к окошкам, возможно, они легко открываются снаружи.

Вероятно, тут часто ошиваются посторонние: подростки и хулиганы привыкли забираться в пустой дом, а сегодня не заметили, что хозяин приехал. Надо пойти и накостылять воришкам, прогнать раз и навсегда, чтобы неповадно было!

Андрей пытался взбодрить себя, убедить, но сам не верил в эту рациональную, правильную версию. Если бы в доме кто-то бывал, видны были бы сле-

АЛЬБИНА НУРИ

ды чужого присутствия: банки, окурки, фантики, похабные надписи и рисунки на стенах, использованные презервативы и прочая дрянь.

Но ничего такого не было. Дом все эти годы стоял нетронутым. Окна везде плотно закрыты: не слишком похоже, чтобы их открывали снаружи.

И все же кто-то был внутри, Андрей кожей чувствовал чужое присутствие. А еще был страх. Причем боялся Давыдов не влезших на его территорию бездомных бродяг или наглых юнцов.

В темноте бывшей детской притаилось неведомое.

Надо пойти и проверить. Покончить с этим. Лежать и дрожать — еще хуже, чем столкнуться лицом к лицу с...

Андрей не дал себе додумать. Он отшвырнул одеяло, вскочил, быстро пересек комнату, вышел в коридор и сразу же, не останавливаясь, открыл дверь своего будущего кабинета. Свет залил пустую комнату, посередине которой были грудой свалены книги, папки с бумагами, громоздился ноутбук, принтер, а еще стояло удобнее компьютерное кресло (ни на одном другом стуле во время работы Андрей сидеть не мог).

— Никого нет! — вслух произнес Давыдов. — И не было. Сон приснился.

Андрей выключил свет, шагнул за порог и притворил за собой дверь. Может, еще одну таблетку принять? Да, пожалуй.

Барварин остров

Он зашел в спальню, принял таблетку, подумал и добавил еще одну, решив, что хуже не будет. Лег, закрыл глаза, и в этот момент из комнаты, которую он недавно покинул, раздался тихий смех. Вернее, сдавленный смешок, будто ребенок старается сдерживаться, чтобы не расхохотаться во весь голос, зажимает рот ладошками.

Второй раз пойти и посмотреть, что там, Давыдов не решился. Зажмурился, натянул одеяло на голову, закрыл уши.

Иллюзия. Это лишь иллюзия.

Но тогда, в детстве...

«Неважно, что было в детстве! Ты давно вырос, даже начал стареть. А чудовищ нет, если в них не верить».

Давыдов вспомнил, что эти слова говорила мама. Зачем? Точнее, в связи с какими событиями? Прежде чем удалось припомнить, Андрей заснул. До утра спал крепко, более не просыпаясь, а с восходом солнца ночные приключения стали казаться нелепицей, химерой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Следующая неделя прошла в хозяйственных хлопотах. Андрей, что называется, обживался. Вил гнездо (правда, одинокое), надеясь обустроить свой быт так, чтобы в дальнейшем о нем не задумываться, а заниматься тем, ради чего, собственно, он и приехал на Варварин остров.

О ночном происшествии Давыдов старался не думать. Ему, вероятно, померещилось: виной тому нервное напряжение, нахлынувшие воспоминания о родителях и сестре, переезд, неустроенность, разочарование в прошлом и неопределенность будущего.

Правда, иррациональную причину Андрей тоже не исключал.

Будучи творческим человеком с живым воображением, он верил, что мир многообразен и противоречив. А посему вполне возможно существование

Варварин остров

в нем чего-то, не поддающегося каждодневной, обыденной логике.

Например, в стенах старых домов могут жить воспоминания о прошлом. Отголоски сказанных когда-то слов, чей-то смех, давно замерший, но все еще отдающийся под потолком призрачным эхом; пережитые некогда, погасшие, но все еще блуждающие незримой тенью по пустым комнатам эмоции... Ничего страшного, такого, что могло бы повлиять на сегодняшний день, — лишь шлейф прожитой жизни. К тому же больше ничего подобного не повторялось, а спал Андрей на редкость крепко и спокойно.

На следующий же день после приезда Давыдов решил проблему с книжными полками и письменным столом — это оказалось проще, чем он думал. Поутру сел в машину и поехал по магазинам, предварительно составив список того, что требовалось купить. В центре Варвариного острова было все, что нужно для скромной, непритязательной жизни (особенно если опыта такой жизни у тебя нет).

Помимо автозаправочной станции тут располагались несколько торговых точек: продуктовый магазин «Варвара», довольно большой «Супермаркет», где продавались продукты и хозяйственные товары, а еще имелись пекарня и аптека. Плюс высилось довольно неуклюжее двухэтажное здание «Торговый центр “Островной”», где можно

АЛЬБИНА НУРИ

было купить одежду, обувь, мебель, канцелярские товары и игрушки.

Пользовалось ли все это спросом, достаточно ли покупателей, чтобы предприниматели не прогорали, Андрей сказать не мог, но все же порадовался, что не нужно ломать голову, где взять шампунь, стиральный порошок, свежий хлеб, молотый кофе или носки.

Заправив машину, Давыдов заполнил бензином две большие канистры, которые всегда возил с собой на всякий случай, чтобы не остаться без топлива. А после отправился в мебельный магазин. Тут продавались столы, тумбочки, диваны и кухонные уголки, которые изготавливались здесь же. «Можно под заказ», — объяснил продавец, он же владелец небольшого мебельного производства, которое значилось при входе как «ИП «Колосков».

— У нас не только с «Варварки» народ отоваривается, но и из окрестных деревень. Работаем на совесть, гарантии есть, — похвалился Колосков, полный азартного предчувствия выгодного заказа.

Мебель была, конечно, простецкая, изготовленная бог знает из чего, но запросы Андрея сейчас были невелики, а требования — невысоки.

В итоге через четыре дня в его кабинете («Никаких больше упоминаний о бывшей детской!») появились открытые книжные полки, как утверждал Колосков, сосновые. Они высились от пола